

А.В. Чудинов*

**НЕНАВИСТНЫЙ БЛАГОДЕТЕЛЬ:
ЖОЗЕФ БОНАПАРТ В ИСПАНИИ**
(размышления над книгой Т. Ленца)

Отталкиваясь от содержания новейшей биографии Жозефа Бонапарта, написанной Тьерри Ленцем, ведущим французским специалистом современности по истории эпохи Наполеона, автор статьи поднимает дискуссионный для историографии вопрос о том, насколько были осуществимы в Испании 1808–1813 гг. реформы, предпринятые братом Наполеона. Опираясь на данные новейших исследований, автор статьи приходит к выводу, что причиной неудачи либеральных преобразований Жозефа стал не только и не столько разлад в действиях испанского короля, императора Наполеона и французских маршалов, сколько неготовность широких слоев населения этой страны к принятию подобного рода перемен, осуществлявшихся к тому же при помощи жесточайшего насилия.

Ключевые слова: Испания, либерализм, традиционные ценности, французская оккупация 1808–1813 гг., Жозеф Бонапарт, Тьерри Ленц
DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-103-115

Многие аспекты истории борьбы испанского народа против французской оккупации 1808–1813 гг. или, как принято ее называть в самой Испании, Войны за независимость до сих пор вызывают горячие дискуссии исследователей из разных стран¹. Вместе с тем есть в этой тематике и такие вопросы, по которым историки, казалось бы, давно пришли к полному консенсусу и спорить не собираются. К числу подобных сюжетов долгое время относились личность и деятельность Жозефа Бонапарта, являвшегося в те годы, по воле своего младшего брата Наполеона, испанским королем Хосе I.

---

* Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

¹ См., например: *Зозая Монтеc М.* Война за создание нации? Испанская историография войны на Пиренеях 1808-1814 гг. // ФЕ 2013; «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 328-339; *Carrasco Alvarez A.* La guerra interminable: claves de la guerra de guerrillas en España, 1808-1814. Astorga, 2013. P. 15-27.

В литературе широко растиражирован образ незадачливого правителя, не сумевшего оказаться на высоте тех задач, что были возложены на него венценосным сородичем, и с треском провалившего гениальный план великого императора по преобразованию Испании. Причем абрис для столь малопривлекательного портрета набросал в свое время не кто иной, как сам Наполеон. Ведя на острове св. Елены свою последнюю битву – за место в памяти потомков, император французов не раз обращался к оценке испанских событий, ставших одним из первых камней преткновения на его пути к установлению безраздельной власти над Европой. «Эта неудачная война в Испании, – признавал император в беседе с графом Эмманюэлем де Лас Казом, – стала для нас настоящим несчастьем и первой причиной последовавших бедствий Франции»².

Наполеон формально признавал, что лично несет ответственность за неудачный для Франции поворот дел на Пиренеях, однако главной своей провинностью здесь считал неудачный выбор нового короля Испании, который, дескать, оказался не способен править надлежащим образом. При такой расстановке акцентов Наполеон фактически перекладывал основную вину за крах своей испанской авантюры на старшего брата. Передавая слова императора, Лас Каз сообщает: «Одна из крупнейших его [Наполеона] ошибок заключалась в том, что он считал низвержение династии Бурбонов делом наибольшей важности и посадил на испанский престол человека, личные данные и характер которого стали явными причинами провала его планов»³. В другом разговоре с тем же собеседником Наполеон отозвался о Жозефе не менее уничижительно: «...В Дрездене я узнал о нашей неудаче в сражении при Виттории и о потере всей Испании из-за скверного управления страной беднягой Жозефом, моим братом, чьи планы и их исполнение не соответствовали требованиям дня...»⁴.

Старания узника Святой Елены не пропали даром: в историографии закрепилось представление о Жозефе как слабом правителе незаслуженно доставшейся ему страны и малонадежном сподвижнике великого брата. Именно таким его, к примеру, рисует А.З. Манфред, автор лучшей в отечественной литературе био-

² *Лас Каз, граф*. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. М., 2010. Т. 1. С. 698.

³ Там же. С. 697-698.

⁴ Там же. С. 554.

графии Наполеона: «4 декабря Наполеон вступил в столицу Испании. Некоторое время у него были колебания: восстанавливать ли Жозефа, показавшего полную неспособность и к тому же весьма сомнительного в смысле профранцузских и даже братских чувств, на испанском троне? Не лучше ли оставить заботы о лукавом, вероломном старшем брате?»⁵.

Различные авторы обычно приводят это клише без какой-либо проверки, просто повторяя ранее сказанное предшественниками, первым из которых был сам Наполеон. Вот почему предпринятая недавно попытка разорвать замкнутый круг тиражирования застарелых стереотипов и выяснить, находят ли они подтверждение в источниках, заслуживает самого пристального внимания к себе специалистов и заинтересованных читателей. Тем более что такую попытку предпринял известный французский историк Тьерри Ленц, на сегодняшний день едва ли не самый авторитетный в мире исследователь той эпохи. В 2016 г. он опубликовал монографию «Жозеф Бонапарт»⁶, построенную на широчайшем круге архивных и печатных источников преимущественно французского происхождения. В этой работе подробно освещается вся жизнь старшего брата Наполеона, от рождения и до кончины, однако я хотел бы здесь подробнее остановиться лишь на одной, но зато, пожалуй, самой главной странице его биографии – периоде пребывания его в качестве короля Хосе I на испанском троне.

Вопреки встречающемуся в исторической литературе мнению⁷, Жозеф Бонапарт был вполне доволен своим местом на неаполитанском престоле, который получил от императора Наполеона в 1806 г., и к испанской короне отнюдь не стремился. За те два года, что ему довелось править на Юге Италии, Жозеф – король Джузеппе – успешно привел в действие программу радикальных реформ в различных сферах – управления, государственных финансов, экономики, образования и военного дела (Р. 294–303). Правда, самому ему не удалось вкушать плоды своих начинаний: в самый разгар преобразований, словно гром среди ясного неба, грянул приказ Наполеона Жозефу оставить это королевство и при-

⁵ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 614.

⁶ Lentz Th. Joseph Bonaparte. P.: Perrin, 2016. 720 p. Далее сноски на это издание даются в круглых скобках в самом тексте статьи.

⁷ См., например: «Брат Жозеф был недоволен тем, что ему дали захудалую неаполитанскую корону, тогда как он, старший в семье, “имел право” на французский трон». – Манфред А.З. Указ. соч. С. 588.

нять бразды правления в следующем – Испанском. Королю Джузеппе предстояло стать королем Хосе.

Это было в известном роде сюрпризом: изначально Жозеф не был посвящен в затеянную его братом комбинацию по смене правившей в Испании династии. Т. Ленц полагает, что план этот созрел у Наполеона в самом начале 1808 г., когда противоречия в семье испанских Бурбонов между Карлом IV и наследником Фердинандом вылились в открытый конфликт. К тому времени на территории союзной Наполеону Испании находилось уже от 80 до 100 тыс. французских войск под командованием И. Мюрата, предназначенных якобы для ведения военных действий в Португалии.

20 февраля 1808 г. император назначил Мюрата своим наместником (*lieutenant general*) в Испании. 24 февраля Талейран и Дюрок вручили испанскому послу в Париже конфиденциальную ноту, в которой Карлу IV предлагалось уступить Наполеону испанский трон в обмен на португальский (Р. 309–310). 18–19 марта сторонники Фердинанда произвели переворот, заставили Карла IV отречься от престола и провозгласили его сына королем. 23 марта Мюрат с войсками вошел в Мадрид, восстановил свергнутого монарха, заставил наследника покаяться в содеянном и посоветовал обоим обратиться к Наполеону с просьбой об арбитраже. Отец и сын отправились на randevu с императором, к большому неудовольствию своих подданных, узнав о котором, Наполеон 10 апреля написал Мюрату: «Настало время проявить надлежащую энергию. Полагаю, вы не станете церемониться с мадридской чернью, если она возмутится, и немедленно ее разоружите» (Р. 310–311). Наместник не только выполнил, но и с лихвой перевыполнил поручение императора. Когда 2 мая стихийно вспыхнувший на улицах Мадрида конфликт между французскими солдатами и местными жителями перерос в общегородское антифранцузское восстание, Мюрат не только жестоко подавил его, но и устроил массовую расправу над захваченными в плен бунтовщиками. Когда в приграничном с Испанией французском городе Байонне, куда прибыли на встречу с Наполеоном отец и сын Бурбоны, стало известно о происшедшем в Мадриде восстании, французский император убедительно разыграл сцену гнева и заставил обоих отречься от прав на престол, что и было закреплено специальными актами от 5 и 10 мая. И лишь теперь, когда игра была сделана, Наполеон 10 мая сообщил старшему брату, что тому предстоит занять трон Испании (Р. 315). Предложе-

ние оказалось несколько неожиданным, но отказаться от него было нельзя – император не терпел возражений.

7 июня 1808 г. новоиспеченный испанский монарх прибыл в Байонну, где ему присягнули около сотни вызванных сюда членов правительственных советов и наиболее влиятельных аристократических фамилий Испании. Они же составили «Конституционную хунту», которая под руководством короля Хосе начала работу над основным законом страны. Уже на этой, самой ранней, стадии существования нового режима проявилась его специфическая природа. С одной стороны, сразу же обозначилась ярко выраженная тенденция к привнесению либеральных принципов в политическую жизнь Испании: королевству впервые за свою многовековую историю предстояло получить конституцию, да и общенациональное представительное собрание, хотя бы и сословное, не созывалось там с 1789 г. С другой стороны, импульс к преобразованиям шел извне: в основу первой испанской конституции лег проект, написанный Наполеоном; корректировать дозволялось лишь частности. Впрочем, принятый 7 июля Конституционный статут при всей своей новизне был далек от радикализма. Он признавал католицизм государственной религией, хотя и отменял церковные суды, включая инквизицию. Вводя институт общенационального представительства – Кортесов, он предусматривал разделение их по сословиям и сохранение ряда электоральных и фискальных привилегий определенных городов и провинций (Р. 320–321). Иными словами, первые намеченные новым монархом меры по реорганизации страны с целью постепенного приближения ее к французскому образцу (Конституция, общенациональное представительство, ограничение влияния церкви), были достаточно осторожными. Но даже их еще надо было претворить в жизнь, и 9 июля король Хосе выехал в Мадрид, сопровождаемый пышной свитой и конвоем – польскими уланами и легкой кавалерией из немецкого Берга.

Однако подданные Жозефа были ему не рады. Сразу же после кровавого подавления Мюратом восстания 2 мая по всей стране стали создаваться повстанческие хунты для сопротивления «Бонапарту Антихристу» (имелся в виду Наполеон). Поскольку фигура французского императора неразрывно ассоциировалась с Французской революцией, а та, в свою очередь, снискала всемирную известность жестокими гонениями на католицизм, народ

увидел в новом режиме, прежде всего, угрозу церкви. А она пользовалась огромным влиянием и популярностью в стране, где доминирующие позиции занимала традиционная культура. Не удивительно, что антифранцузские выступления в Испании шли под религиозными лозунгами и воспринимались многими участниками как «крусада» – крестовый поход. Вдохновителем движения стало духовенство. Борьба носила, в первую очередь, идеологический, мировоззренческий характер и лишь затем – национальный. Это видно хотя бы по тому, что первой мишенью народного гнева во многих провинциях оказались не французские войска, которые туда еще просто не добрались, а испанские афрансесадос (*Afrancesados*, «офранцузенные») – представители элит, тем или иным образом выражавшие симпатии идеям и культуре французского Просвещения. Их оскорбляли, избивали, тащили в тюрьмы, порою убивали. Люди из «низов», составлявшие основную массу повстанцев, считали, что афрансесадос являются естественными союзниками французов и потенциальными предателями. Не признала «короля-чужака» (*el rey intruso*), как брата Наполеона прозвали в народе, и армия Испании. Жозефу, таким образом, предстояло решить нелегкую задачу – завоевать доверие подданных и свое королевство (Р. 327–328).

Как показывает Т. Ленц, усилий для этого Жозеф не жалел на протяжении всех пяти лет своего царствования, стараясь в большом и малом подчеркнуть привязанность к новой отчизне. Он одевался на испанский манер; взял себе традиционный испанский герб, добавив к нему имперского орла; окружил себя испанцами (в основном афрансесадос) и довольно быстро выучил испанский язык. Новый государь восстановил излюбленное развлечение испанцев – корриду, запрещенную его предшественником; вновь открыл не менее любимые его подданными театры и лично ходил на спектакли, что до него у испанских монархов делать было не принято. Нередко король Хосе с немногочисленной свитой посещал народные праздники и общественные мероприятия. Он широко раздавал помилования осужденным и усердно демонстрировал (не слишком, впрочем, искренне, как сам признавал позднее) приверженность католической вере. Им активно проводились предусмотренные Байоннской конституцией реформы по рационализации системы государственного управления и судопроизводства, готовилась почва для введения в действие Кодекса Наполеона, ко-

торый для этого был переведен на испанский язык (Р. 346–349). По инициативе Жозефа, на подконтрольной его правительству территории проводились работы по улучшению дорог, а в Мадриде и других городах осуществлялись проекты по благоустройству и оздоровлению городской среды (Р. 353–354). Желая лучше узнать страну, король много путешествовал. Порою в простой, неброской одежде, никем не признанный, он смешивался с городской толпой, наблюдая повседневную жизнь общества изнутри (Р. 368). Если рассматривать личность короля Хосе вне исторического контекста, то трудно не согласиться с тем, что едва ли когда-то еще Испания имела такого демократичного, гуманного и просвещенного монарха.

И тем не менее испанцы не приняли старшего из Бонапартов. Его друг, французский писатель Бернарден де Сен-Пьер разочарованно восклицал: «О, благодетельный Жозеф, почему этот мир и его обитатели могут обновляться только посредством землетрясений и революций?» (Р. 338). На протяжении всех пяти лет правления Жозефа Испанию, действительно, трясло не переставая: по всей стране полыхала герилья, военные действия регулярных армий не прекращались ни на день, голод и эпидемии уносили многочисленные жертвы. Трижды за время своего царствования королю Хосе пришлось бежать из Мадрида, оставив столицу неприятелю – испанским и английским войскам, которых всякий раз местные жители встречали с восторгом.

Почему же гуманному и либеральному монарху-реформатору не удалось завоевать сердца испанцев?

По мнению Т. Ленца, главной помехой для Жозефа на этом пути стал его брат Наполеон. Если в Неаполе Жозеф имел карт-бланш для ведения государственной политики в соответствии с собственными представлениями о должном, а Наполеон ограничивался лишь военной и финансовой поддержкой его режима издали, то в Испании исполинская тень императора непрестанно маячила за спиной короля Хосе, не давая забыть о том, кто в действительности вершит судьбу страны. Наполеон с самого начала поставил дело именно таким образом. Жозеф еще только спешил из Италии в Байонну, а император уже объявил испанцам в прокламации: «Я водружу вашу корону на голову моего *альтер эго* (un autre moi-même), гарантировав вам Конституцию, которая позволит сочетать святую и благодетельную власть государя со сво-

бодами и привилегиями народа» (Р. 318). Таким образом испанцам, говорит Т. Ленц, сразу же давали понять, что править ими будет «клон» французского императора.

Впрочем, продолжая этот образный ряд, заимствованный из современной масскультуры, можно сказать, что очень скоро подданным короля Хосе пришлось убедиться, что их государь – даже не «клон» великого брата, во всем с ним абсолютно схожий, а всего лишь «аватар», управляемый извне. После того как восставшие против французов испанские войска впервые изгнали Жозефа из Мадрида, на Пиренейский полуостров явился сам Наполеон с Великой армией, чтобы покарать бунтовщиков. Вернув 4 декабря 1808 г. контроль над испанской столицей, император ввел в действие программу еще более радикальных преобразований, чем те, что были обещаны Байоннской конституцией: ликвидировались феодальные права, сеньориальные суды и внутренние таможи между провинциями; две трети монастырей закрывались, а их земли национализировались. Характерно, что программа таких реформ, по словам Т. Ленца, «считавшихся популярными» (*réputées populaires*) и призванных стать «пряником» после немилосердного применения Наполеоном «кнута», была объявлена испанцам от имени французского императора, а не их собственного короля, которому предстояло лишь стать исполнителем воли младшего брата. Для тех же, кто не понял реальное положение вещей, Наполеон доходчиво разъяснил его в прокламации от 7 декабря: «Если все мои усилия окажутся бесполезными, и вы не оправдаете моего доверия, мне придется обращаться с вами как с завоеванной провинцией и посадить моего брата на другой трон. Тогда я сам надену корону Испании и сумею заставить негодяев уважать ее, ибо Бог дал мне силу и волю, необходимые для того, чтобы преодолеть любые преграды» (Р. 341–342).

Жозеф полагал, что для продолжительного управления подданными необходимо уравновешивать строгость милосердием, и не считал зазорным вести переговоры с бунтовщиками, если это позволило бы достичь взаимоприемлемого компромисса. Он хотел *умиротворить* непокорных, однако его брат считал необходимым их *усмирить*. Наполеон был раздражен тем, что ему, находившемуся после Тильзита на пике могущества, посмели оказать сопротивление – и кто?! – испанцы, которых он как нацию глубоко презирал. Более того, под Байленом они заставили капитулировать

его собственные войска, давно не знавшие поражений. Наполеон рвался преподавать им показательный урок, чтобы впредь никому и в голову не приходило вставать у него на пути. В Виттории он обещал прибывшим его приветствовать местным нотаблям: «Ваша страна, которую я хотел обустроить, <...> станет театром кровавой войны, и вы будете страдать от всех ее бедствий» (Р. 340).

Наполеон не обманул: французские армии подвергли Испанию жесточайшему разорению и опустошению, хотя это была страна, которой правил его брат. Однако на все призывы Жозефа к умеренности Наполеон только отмахивался: «Вы не имеете понятия о войне» (Р. 340). Более того, даже покинув Испанию в январе 1809 г., император не позволил Жозефу и впредь влиять на ход военных действий: французские маршалы, командовавшие отдельными армиями, получали приказы из Парижа непосредственно от императора, а в его отсутствие – от начальника штаба Л.А. Бертье или от военного министра А.Ж.Г. Кларка. Распоряжения короля Хосе они, за исключением маршала Массена, сначала тихо саботировали, а потом и вообще отказались исполнять с согласия императора.

Не считаясь с Жозефом, Наполеон беззастенчиво распоряжался испанскими территориями. В мае 1809 г. испанские провинции Каталония, Наварра, Бискайя, Арагон и области вокруг Бургоса и Вальядолида были превращены в военные губернаторства, которые в политическом и финансовом отношении отныне подчинялись Парижу. В сентябре 1811 г., когда Жозеф был занят подготовкой к созыву предусмотренного Байоннской конституцией общенационального представительного органа – Кортесов, маршал Бертье (даже не сам император!) обычным письмом известил его, что Каталония отныне становится частью Французской империи. Напрасно Жозеф каждый раз протестовал, прося брата о своей отставке: Наполеон часто ему даже не отвечал, поскольку подобными просьбами король Хосе докучал императору на протяжении всего своего царствования.

Разумеется, все мы прекрасно помним, что история не знает сослагательного наклонения, и тем не менее редко кому удается устоять перед соблазном не задать вопрос: а что было бы, если...? В нашем случае этот вопрос может прозвучать так: увенчалась бы успехом либерально-реформаторская политика короля Хосе, если бы ей постоянно не мешал его венценосный брат? Или, иначе говоря, прижились бы либеральные преобразования Жозефа Бона-

парта на испанской почве, если бы зверства оккупационных войск не сделали для испанцев ненавистным всё то, что несло на себе печать французского влияния? Т. Ленц в своей книге не спрашивает об этом напрямую, однако выделяет один эпизод правления Жозефа, описание которого выглядит как ответ на этот незаданный вопрос.

Речь идет о кампании в Андалузии первых месяцев 1810 г. Тогда король Хосе получил – редчайший случай! – карт-бланш от брата на самостоятельное руководство военными действиями на Юге Испании, находившемся под властью повстанческого правительства – Центральной хунты. 8 января 1810 г. Жозеф выехал из Мадрида к войскам и десять дней спустя приступил к делу. Уже 23 января ему сдалась Кордова, 28-го – Гранада, 1 февраля – Севилья. «Можно сказать, – пишет Т. Ленц, – что ему, как обычно, удалось очаровать всех, кого он встречал. <...> Он снискал себе репутацию великодушного человека, освободив пленников, приказав прекратить грабежи и сделав щедрые пожертвования на благотворительность и культуру. Поскольку его сопровождала часть правительства, он попытался утвердить там “испанские” [государственные] институты, назначил главных должностных лиц, поддержал возобновление археологических раскопок, основал общество по развитию местных промыслов и заигрывал с духовенством. В знак доброй воли епископ Севильи вернул ему знамена, захваченные у французов при Байлене. <...> В течение нескольких недель Андалузия была подчинена и умиротворена. Въезд короля в Малагу носил столь же триумфальный характер. В течение нескольких дней он посетил и другие города (Херес, Ронду, Хаен), где принимал знаки покорности и подарки, посещал корриды, театральные спектакли и процессии, давал пышные обеды, не забывая делать пожертвования на бедняков. “Потомство не захочет поверить в то, что брат Наполеона был в 1810 г. идолом жителей Андалузии и Гранады, тем не менее это – абсолютная правда”, – писал генерал Бигарр» (Р. 360).

Казалось бы, вот он ответ на вопрос, что могло произойти также и со всей Испанией, если бы Наполеон и его маршалы не мешали политике короля Хосе. Однако не будем спешить с выводами. Характеризуя в начале этой статьи книгу Т. Ленца, я не случайно отметил, что она построена на источниках «преимущественно французского происхождения», то есть отражает точку

зрения, прежде всего, французских современников на происходившее. У испанцев же мог быть свой, несхожий с этим, взгляд на вещи.

И действительно, французский историк Жан-Марк Лафон, изучавший ситуацию 1808–1812 гг. в Андалузии на основе широкого круга не только французских, но также испанских архивных документов, рисует картину, несколько более нюансированную и чуть менее радужную, чем была только что представлена. Истоки андалузского «чуда» умиротворения, считает он, восходят к событиям, предшествовавшим триумфальному явлению короля Хосе на Юге, а именно – ко дню 19 ноября 1809 г., когда войска маршала Н. Сульта возле города Оканья в Кастилии окружили и наголову разгромили наступавшую с юга испанскую армию Центральной хунты. Повстанческая армия не просто потерпела поражение, она была практически полностью уничтожена. У Центральной хунты больше не осталось сил для защиты Андалузии. Начавшееся в январе 1810 г. французское наступление под командованием Жозефа Бонапарта походило, согласно выражению современника, на «военную прогулку» (*promenade militaire*) вовсе не потому, что обаяние короля Хосе произвело на местных жителей неотразимое впечатление, а потому что у провинции больше не было защитников. Центральная хунта поспешно отбыла на остров Леон, а местные нотабли по мере приближения французских войск все больше проникались пораженческими настроениями и охотно выказывали готовность сотрудничать с победителями⁸. Прочитав те же рассказы французских очевидцев о восторженной встрече короля Хосе, что и Т. Ленц, Ж.М. Лафон, однако, указывает, что другие свидетельства дают основание рассматривать происходившее как гигантский фарс: истинной причиной показной радости был, прежде всего, страх⁹.

Когда в марте 1810 г. Жозеф вернулся в Мадрид, реальная власть в Андалузии перешла в руки маршала Сульта, который решительно отказался от либеральной политики короля и на протяжении последующих двух лет фактически управлял провинцией по законам военного времени¹⁰.

Хотя в дальнейшем, вплоть до ухода французских войск, Андалузия продолжала пребывать в столь же «умиротворенном» состо-

⁸ *Lafon J.M. L'Andalousie et Napoléon: contre-insurrection, collaboration et résistances dans le midi de l'Espagne, 1808-1812. P., 2007. P. 205-210.*

⁹ *Ibid. P. 210.*

¹⁰ *Ibid. P. 211.*

нии, причиной тому, как показывает Ж.М. Лафон, была отнюдь не массовая поддержка «реформистского» правительства короля Жозефа. Напротив, социальная база режима была крайне узкой: ее составляла лишь относительно небольшая часть местной элиты. Среди афрансесадос, ушедших в 1813 г. вместе с французскими войсками из Испании, Ж.М. Лафон насчитал лишь 664 выходца из Андалузии. Разумеется, ими число коллаборационистов не исчерпывалось, так часть их осталась на родине, но эти данные все же дают некоторое представление о порядке цифр, как видим, для многомиллионного населения провинции довольно скромных. Впрочем, даже среди этих коллаборационистов-афрансесадос идейные сторонники Просвещения и Французской революции составляли меньшинство. На сотрудничество с французами и мадридскими властями остальные шли либо по причинам личного порядка (например, жаждавшие мести родственники жертв народных расправ над афрансесадос весной-летом 1808 г.), либо по экономическим мотивам (покупатели бывших церковных земель, крупные негоцианты и поставщики армии), либо из страха (местные чиновники)¹¹. Основную же массу населения провинции удерживал в покорности суровый оккупационный режим, установленный Сультом¹². Созданная им эффективная система пресечения в корне любых форм протеста и сотворила андалузское «чудо» умиротворения.

Пример Андалузии, где политическая система Жозефа Бонапарта, пусть и на короткий срок, была приведена в действие в чистом виде, действительно показателен. Он наглядно демонстрирует, что причиной неудачи либеральных преобразований короля Хосе стала не только и не столько рассогласованность его политики с действиями Наполеона и французских маршалов, сколько абсолютная незаинтересованность широких слоев населения Испании в той решительно противоречившей их традиционным представлениям социально-политической системе, которую им предлагал страшно обаятельный и самый либеральный на тот момент из монархов, когда-либо носивших испанскую корону.

¹¹ Ibid. P. 340-341. Об узкой социальной базе монархии короля Хосе пишет и Т. Ленц, отмечая, что Испанию в 1813 г. вместе с французскими войсками покинуло от 12 до 15 тыс. афрансесадос, что составляло лишь крошечное меньшинство от 11 млн населения страны в целом (P. 350).

¹² См.: *Lafon J.M.* Op. cit. P. 527-528 и далее.

Список литературы

- Зозая Монтес М.* Война за создание нации? Испанская историография войны на Пиренеях 1808–1814 гг. // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 328–339. [Zozaya Montes M. *Vojna za sozdanie nacii? Ispanskaya istoriografiya vojny na Pireneyah 1808–1814 gg.* // Francuzskij ezhegodnik 2013: «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'. M.: IVI RAN, 2013. S. 328–339].
- Лас Каз, граф.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. М.: Захаров, 2010. Т. 1. [Las Kaz, graf. *Memorial Svyatoj Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napoleone: v 2 kn.* M.: Zaharov, 2010. T. 1].
- Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980. [Manfred A.Z. *Napoleon Bonapart.* M.: Mysl', 1980].
- Carrasco Alvarez A.* La guerra interminable: claves de la guerra de guerrillas en España, 1808–1814. Astorga: CSED, 2013.
- Lafon J.M.* L'Andalousie et Napoléon: contre-insurrection, collaboration et résistances dans le midi de l'Espagne, 1808–1812. Paris : Nouveau monde, 2007.
- Lentz Th.* Joseph Bonaparte. Paris: Perrin, 2016.

Alexandre V. Tchoudinov**THE HATED BENEFACTOR:
JOSEPH BONAPARTE IN SPAIN
(reflections on the book by Th. Lentz)**

Based on the content of the latest biography of Joseph Bonaparte, written by Thierry Lentz, the leading French contemporary specialist on the history of the Napoleonic era, the author of the article raises a very disputable question: if the reforms of 1808–1813 undertaken in Spain by Napoleon's brother were really feasible? Referring the data of recent studies, the author of the article concludes that the cause for the failure of Joseph's liberal reforms was not only and not so much the discord in the actions of the Spanish king, the emperor Napoleon and the French marshals as the unpreparedness of the broad strata of the population of this country to adopt such a kind of changes that were also carried out with the help of cruel violence.

Keywords: Spain, liberalism, traditional values, French occupation of 1808–1813, Joseph Bonaparte, Thierry Lentz